

Пушкиноведение давно уже потеряло одно из своих прекрасных предопределений – живописать. Что означает: описывать жизнь Поэта в цветовой палитре, со всеми её нюансами, звуками, созвучиями и отзвуками, гармонией и диссонансами. С тайнами, загадками и их разгадками.

Так исследовали Пушкина его первые «патологоанатомы» – П.В. Анненков, Б.Л. Модзалевский, Д.С. Мережковский, их продолжатели – Н.Я. Эйдельман, отец и сын Фейнберги, Ю.М. Лотман, В.Э. Вацууро...

Бесспорно, это далеко не все имена, но самые проникновенные, самые пронзительные, самые-самые... Оттого и такие близкие.

Сегодня пушкиноведение превратилось в сугубо академическую, если не сказать больше – схоластическую науку. Производит она в основном чёрно-белую продукцию – графику двухцветной палитры, создаваемую на фундаменте того, что написано лишь чёрным по белому. А между тем за бастионами неприступной крепости-святыни «Пушкиниана» растёт и ширится непобедимая армада истинных друзей Пушкина. Она хочет и может сказать Своё Слово о нём.

Суеверие или гениальная интуиция?¹

Вздёрнув Россию на дыбы, Пётр загадал ей великую загадку. И Россия ответила ему Пушкиным.

А. Герцен

Пушкин обожал талисманы и по-ребячески верил в них. В этом убеждают его биографы. И смакуют повторенные многими – около Пушкина вращавшимися – примеры его суеверия: заяц дорогу перебежал, поп попался навстречу... «Дурная примета», – подумал суеверный Александр Серге-

¹ Глава из книги Светланы Мрочковской-Балашовой «Она друг Пушкина была». – Изд-во «Христо Ботев», София, 1998. – С. 38–42

евич и велел ямщику поворачивать оглобли. И таким вот образом избежал каторги, Сибири. Маленькая слабость – этаким забавным пустячок – сберегла для России Поэта...

Вдумайтесь: Пушкин – дерзкий, бесстрашный, задиристый, чуть что вызывал обидчика на дуэль. И вот этот с гипертрофированным чувством чести человек из-за какого-то зайца не поехал к товарищам – декабристам на Сенатскую площадь и вернулся назад в деревню!

Как часто оставались непонятыми, даже близкими из близких, ребяческие всплески, сумасшедшие – с позиций стариковской рассудительности, но такие артистичные, рождаемые огненным интуитивным вихрем великой в простоте и наивности природы Поэта! Непонимание вело к упрощению, к стиранию оттенков образа...

Пушкин в чёрно-белом варианте подносился нам ещё со школьных лет. Неподправленная детская интуиция подсказывала – здесь что-то не так. Моё заражённое максималистской моралью поколение оценивало эту маленькую слабость строже. Подленькое, гаденькое, постыдное, так не вяжущееся с обликом Поэта, выпирало из этого поступка (проступка!): испугался, отмежевался от товарищей, отсиживался в безопасном местечке?!..

Мемуары современников о Пушкине, как правило, писались через много лет после его смерти. Согласно с Вацурой: *«Современники передавали его рассказы, подчёркивая и усиливая их... Если мы возьмём на себя труд убрать облекающие их позднейшие легенды и наслоения, они предстанут перед нами как драгоценный и уникальный историко-психологический документ»* (выделено мною – С.Б.)¹

¹ В.Э. Вацуро. «Пушкин в сознании современников. Вступительная статья». А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1974. – Т.1. – С.1–7.

Умение прочитать мемуары – это, прежде всего, способность пропустить изложенные в них события, факты, мысли сквозь призму собственного критерия. Но есть и иной аспект оценки – расширение перспективы. О подобном восприятии мемуаров о Пушкине говорила ещё Ахматова: *«Мы – люди XX века знаем в сто раз больше о немалодушном поэте, чем знали его современники»*.¹

Разве не истина, что любое явление жизни – личной, общественной – становится яснее и понятнее с позиций времени?! Можно сказать и по-иному: с позиций личного и исторического опыта. Когда само явление уже вписалось, заняло определенное место в судьбе человека, общества, народа. Вписалось и узаконилось. Но случается и ошибочно. А значит, нуждается в пересмотре тех устоев, на которых оно зиждется.

Новые архивные находки и нарождающееся раскрепощённое пушкиноведение позволяют сделать это – переосмыслить многие события в жизни Пушкина.² Одно из них – значительнейшее и сравнительно малоизученное – сосредоточено в теме «Пушкин и декабристы».

Начнём с развенчания легенды о том, что декабристы никогда серьёзно не воспринимали Пушкина, не очень до-

¹ «Неизданные заметки Анны Ахматовой». – «Вопросы литературы», 1970. – № 1. – С. 190.

² Можно предполагать, что члены этого общества исповедовали тайное (отличное от христианской доктрины) учение катаров – последователей истинного учения Иисуса. Таковыми были и первые «катакомбные» римские христиане. Символом «истинного знания» является Священная чаша Грааля (от «*Sanque real*» – истинная кровь). Это учение имело в Европе немало последователей. Ими были рыцари короля Артура, болгарские богомилы, Данте, Леонардо да Винчи, Шекспир, Рабле, Нострадамус, Моцарт, Гете, многие масонские ордена. Средневековая инквизиция католической церкви была направлена главным образом против «ереси», распространяемой посвящёнными в это знание.

веряли ему. Или же не допускали в тайное общество, якобы оберегая Поэта. Истина же значительно сложнее. Давайте вспоминать вместе!

Вспомним, какой резонанс в обществе вызвали дерзкие политические стихи Пушкина, как они распространились в списках по всей России. Многие декабристы признавались на допросах, что использовали их в пропагандистских целях. Далее – о роли общества «Зелёная лампа» в мужании Поэта. Оно было учреждено Яковым Толстым, Фёдором Глинкой, Сергеем Трубецким по тайному поручению Союза Благоденствия как подготовительное отделение, как его «побочная управа»! Руководители Северного тайного общества растили «свои кадры»!

Что мы ещё знаем о «Зелёной лампе»? Раз в две недели в доме Никиты Всеволожского проводились собрания любителей словесности. Вольные разговоры, споры в зале под зелёной лампой, перстни с изображением светильника (а изображение это почему-то воспроизводило светильники первых христиан в римских катакомбах); литературные опусы («Сон» Улыбышева) и стихи, стихи... Члены общества были спаяны клятвой – хранить тайну этих встреч. Позднее её раскроет зашифрованная Поэтом десятая глава «Евгения Онегина». Расскажет истину лучше, точнее, правдивей поздних свидетельств декабристов.

*Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Ноэли Пушкин.
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал,
Одну Россию в мире видя,*

*Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.*

«Зелёная лампа» – чуть-чуть приоткрывает тайнопись жизни Поэта этого периода. Была ли она масонской ложей? Видимо – да. В таком случае Пушкин познакомился с учением масонов ещё до вступления в Кишинёвское общество.

Вспоминаем дальше... Пушкин в Михайловском после разгрома восстания. Напряжённо вслушивается в звон каждого приближающегося колокольчика – ожидает жандармов, обыска, возможно и ареста. Сжигает крамольную X главу «Онегина», дневники последних лет. Значит, для этого были основания. На допросах декабристов Царь пытается узнать о причастности Пушкина к их движению. Неужели причина сей царской «дотошности» только в прошлых «грехах» Поэта? В числе которых и его написанная в 1821 году в Кишинёве «Гавриилиада» – «прекрасная шалость» по словам Вяземского, задевшая, однако, личную честь Николая I. И почему вместе с агентом Бошняком в июле 1826 года в Псковскую губернию прибыл фельдъегерь Блинков? Имея на руках открытый лист за подписью военного министра Татищева, в который – в случае ареста – он должен был вписать имя Пушкина. Почему уже «прощённый» Пушкин до самой смерти оставался под надзором полиции и должен был просить у Бенкендорфа разрешение на каждую отлучку из столицы? А унесённая в могилу обоими поэтами, Пушкиным и Рылеевым, тайна их взаимоотношений накануне восстания? Вопросы, вопросы... Множество вопросов. Даже неполные ответы на них убеждают: было, бесспорно было, и участие молодого Пушкина в тайных сходках Южного общества декабристов. И его сопри-

частность к их идеям, планам, программе. И его готовность вместе с ними выйти на баррикады. Но до справедливого приговора о роли Поэта в заговоре декабристов ещё далеко.

Проблема не только в том, что досконально не изучены (хотя и опубликованы в десятках томах) документы декабристского движения. Н. Эйдельман в своём добросовестном исследовании «Пушкин и декабристы» предупреждает, что не претендует на полный охват огромной проблемы – материалов так много, а сами проблемы столь многообразны и расчленены!

Тема оказалась не под силу даже исследователю эйдельмановского масштаба. Главная беда пушкинистики – безмерного Поэта постоянно пытаются вместить в Прокрустово ложе, сооружённое ему ещё при жизни. Одни укорачивают его, другие – растягивают. Одним необходимо было во что бы то ни стало отделить Поэта от бунтовщиков, другим же, наоборот, сделать из него революционера, борца за народное счастье. А он был и тем, и другим, и третьим... Вольнодумцем и дуэлянтом, свободолюбом и картёжником, циником и влюблённым до потери сознания, антиклерикалом и убеждённым верующим, монархомахом и монархистом, декабристом до кровопролития на Сенатской площади, а после – противником всякого насилия. И всё это в одном человеке. Не из-за отсутствия убеждений, а оттого что убеждения эти мужали, зрели и видоизменялись. «Дурак, кто не меняется», – говаривал Пушкин. Семён Франк эту уживчивость крайностей в Поэте считал проявлением истинно русской широкой природы, в которой едва ли не до самого конца жизни сочетается буйность, разгул, неистовство с умудрённостью и просветлённостью.¹

Спорить о том, был или не был Пушкин членом декабристской организации, бессмысленно. Он был декабристом по мировоззрению – декабристом без декабря. Членство в обще-

¹ С.Л. Франк. Этюды о Пушкине. – УМКА-PRESS, 1987. – С. 11.

стве было так засекречено, что многие декабристы узнали имена своих сотоварищей уже в Петропавловской крепости после начала над ними следствия или же в день вынесения им приговора. Почти никто не догадывался, например, о принадлежности к движению Пущина. А ведь он в последний год входил в его руководство. С.П. Трубецкой в своих Записках писал: «...10-го числа (он ошибся в дате – это было 12 июля 1826 г. – С.Б.) пришли за мной рано поутру и повели меня в комендантский дом. Я нашёл его наполненным часовыми, а в комнате, в которую меня ввели, Артамона Муравьёва и князя Бярятинского. **Я удивился, увидя себя в их обществе, ибо полагал, что ничего не имею с ними общего;** за мной вслед вошли два брата Борисовых, которых я ни лиц, ни имён, ни участия не знал...» (выдел. мною – С.Б.)¹

Возможно, когда-нибудь будут найдены документы, подтверждающие принадлежность Пушкина к Обществу декабристов. Уже и сейчас знаем, что Поэт не разделял полностью их убеждений, что Он не был радикалом. Но при этом был противником абсолютизма. И одновременно не одобрял свержения монархии. Он был за конституционное ограничение самодержавия, за отмену крепостного права, за предоставление земли крестьянам. Превыше всего ценил свободу личности. Но был далёк от иллюзии о воцарении всеобщего братства и равноправия. **Интуицией гения он понимал утопичность этих идей в обозримом будущем.** История подтвердила правоту Поэта. Несвоевременным для России оказалось не только декабристское восстание. Но и совершённая почти сто лет спустя Октябрьская революция.

Раздумья в тиши Михайловского о судьбе России и своей роли в ней породили желание Поэта вполне и искренне

¹ Мемуары декабристов. Северное общество. – Из-во Московского университета, 1981. – С. 62.

примириться с правительством. В этом он признался в начале 1826 года в письме к Дельвигу. А тот и другие друзья Пушкина (Жуковский, Вяземский) одобрили его намерение. Пушкин пишет прошение на имя императора Николая. По совету друзей отправляет его через псковского губернатора барона фон Адеркаса. Этот факт, упомянутый дореволюционным историком Н.К. Шильдером, старательно обходили советские биографы Поэта. Привожу содержание прошения, опубликованное в книге Н.К. Шильдера «Император Николай Первый. Его жизнь и царствование»:

«В 1824 году, имев несчастье заслужить гнев покойного императора легкомысленным суждением касательно афеизма, изложенным в одном письме, я был исключён из службы и сослан в деревню, где и нахожусь под надзором.

Ныне с надеждой на великодушие Вашего Императорского Величества, с истинным раскаянием и твёрдым намерением не противоречить моими мнениями общепринятому порядку (в чём и готов обязаться подпиской и честным словом), решился я прибегнуть к Вашему Императорскому Величеству со всеподданнейшею моею просьбою.

Здоровье моё расстроенное в первой молодости, и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения, в чём и предоставляю свидетельство медиков: осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края.

**Всемиловитейший государь,
Ваше Императорское величество,
верноподанный
Александр Пушкин.**

К письму было приложено обязательство:

*«Я, нижеподписавшийся, обязуюсь впредь ни к каким тайным обществам, под каким бы они именем не существовали, не принадлежать; свидетельствую при сем, что я ни к какому тайному обществу таковому не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них. 10-го класса Александр Пушкин. 11-го мая 1826 года».*¹

В дни коронации в Москве Николай I отдал генерал-адъютанту Дибичу упомянутое выше письменное распоряжение с детально изложенной инструкцией: *«Пушкина призвать сюда. Для сопровождения его командировать фельдъегеря. Пушкину позволяется ехать в своём экипаже свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мне. Писать о сем псковскому гражданскому губернатору».*

8-го сентября Пушкина привезли в Москву на встречу с императором. Царь даровал ему прощение.

Был ли до конца искренен Пушкин в своём послании царю? Думаю, нет. Ведь на вопрос царя: – Что бы ты сделал, если бы был 14-го декабря в Петербурге? – честно ответил: – Стал бы в ряды мятежников.

Прощение Царю было хорошо продуманным дипломатическим ходом. Своего рода игрой в кошки–мышки. Где вполне честное признание – **впредь** ни к каким тайным обществам... не принадлежать – тут же опровергается: **ни к какому тайному обществу таковому не принадлежал**. Попробуй – докажи! Следствие над декабристами к этому времени закончилось. И если до сих пор Поэта не арестовали, значит, товарищи не выдали. Не хитрость, не расчёт и даже не раскаяние, а трезвая оценка случившегося и не менее

¹ Н.К. Шильдер «Император Николай Первый. Его жизнь и царствование» в 2-х томах. – 1903. – Т. I. – С. 14–15.

трезвый взгляд на своё дальнейшее бытие. Этому предшествовали глубокие раздумья о событиях, своём поведении. А подтолкнула – безумная жажда свободы. Без которой не было для него жизни.

Рисунок Пушкина с ликами декабристов. Среди них видим и горизонтально расположенный анфас Пушкина (6-й слева в верхнем ряду). Вторая в том же ряду – Каролина Собаньская. Её профиль, очерченный одним штрихом, – и в нижнем ряду (3-й слева) рядом с Сергеем Муравьевым-Апостолом. Изображение Собаньской в рядах декабристов – знаменательно!